

Суслов Николай
Навер сценария и
продюсер

23.03.04

8 • 23 марта 2004 года

ИЗВЕСТИЯ
WWW.IZVESTIA.RU

Спецназ: кино и реальность

В минувшую субботу 1-й канал в очередной раз показал «Пиратов XX века» — культовый фильм, который в первые же месяцы после выхода на экраны стал рекордсменом кинопроката. В первый год его посмотрели 87,6 миллиона зрителей. До «Пиратов» был снят фильм «В зоне особого внимания», ставший родоначальником жанра приключенческого боевика в советском, а затем российском кинематографе.

Известия - 7004 - 23 марта с. 8
С тех пор прошло больше 25 лет, а интерес зрителей к подобного рода фильмам — с драками, взрывами, сложными трюками и суперменами-спецназовцами в главных ролях — только растет. Снимаются фильмы, снимаются сериалы, а параллельно с этим растет и число желающих служить в спецподразделениях. И это несмотря на то, что армия киношная имеет мало общего с армией настоящей.

Попадет ли Владимир Турчинский в цель — на съемках неважно (кадр из сериала «Спецназ по-русски-2»)

Николай СУСЛОВ, продюсер и автор сценариев фильма «Русский спецназ» и сериалов «Спецназ» и «Спецназ по-русски-2», бывший спецназовец, директор кинокомпании «СВАРОГ-ФИЛЬМ»:

Если мы начнем снимать, как бывает на самом деле, «кина не будет»

— Николай Андреевич, можно показать в кино «настоящую войну»?

— Существуют две правды — правда жизни и правда кино. Если снять кино правдиво, особенно про войну или про военных вообще, то, во-первых, это будет документальное кино, во-вторых, оно будет совсем не интересное. Кто хочет видеть зритель на экране? Зрелище. Настоящая война не зрелище. Я приведу наиболее очевидные примеры. При попадании автоматной пули в человека его в большинстве случаев никуда не отбрасывает, как в американском кино. Он просто падает. Когда взрывается настоящая авиабомба, артиллерийский снаряд или граната, слышно только «бум!», а потом — куча пыли, грязи, дыма и ничего не видно. В кино взрыв — это прежде всего огненная вспышка, которой в жизни не бывает, и минимум дыма, чтобы было видно, кого взорвали и кто взорвал. В любом фильме, как в американском, так и в нашем, машина, упавшая в кювет, обязательно взрывается. Но если честно, вероятность того, что бензобак у машины в такой ситуации взорвется, равен доле процента. Кроме того, в кино все бегает чистенькими, а если и грязными, то фактурно грязными. А настоящий солдат одет очень мешковато, как последний бомж.

— Насколько похожи действия героев ваших фильмов на действия настоящего спецназа?

— Все, что мы снимаем, в большинстве случаев на действия спецназа не похоже. В первую очередь задача спецназа — скрытно передвигаться из точки «А» в точку «В», в точке «В», не обнаружив себя, выполнить задание и так же скрытно вернуться в точку «А». Если скрытность оказывается нарушена — например, появился огневой контакт с противником, — это значит, что спецназ с задачей не справился. Но если мы будем снимать, как бывает на самом деле, «кина не будет», как говорится.

— Чему пришлось учиться актерам во время съемок батальных сцен?

— Актера ничему нельзя научить за то время, что он на съемках. Можно только показать, как что-то делается. Но научить стрелять и научить правильно держать для стрельбы автомат — это раз-

ные вещи. В кино не надо, чтобы актер, стреляя, попадал в цель. Но человек, который стреляет в цель, и человек, который просто стреляет, движется по-разному. Чтобы попасть в цель, человек прищуривается, по-другому ставит локоть, потому что у него есть определенная задача. Поэтому когда есть возможность, мы всегда говорим актеру, куда целиться, — чаще всего в члена съемочной группы, который стоит за камерой. Научить стрелять — долго. Научить держать автомат можно быстро. Но и то многие делают ошибки — стреляя, ставят его на предохранитель или не снимают с предохранителя. Подавляющее большинство при стрельбе закрывает глаза. Поэтому нам приходится на крупных планах «открывать» актерам глаза на компьютере.

— Актеры выполняли трюки сами или вы снимали дублеров?

— Они постоянно рвали и рвутся выполнять их сами. Но ни я, как продюсер, ни мои коллеги никогда не позволяем актерам сделать что-то более-менее опасное. И не потому, что они не могут, — многие из них очень хорошо подготовлены физически. Но представьте, что кто-нибудь из наших актеров неудачно прыгнул и сломал себе палец. У нас выпадают из съемок несколько дней, которые стоят бешеных денег. Это не оправданный риск по чисто экономическим соображениям.

— Я читала и слышала много оценок вашего фильма. Но все сходится на том, что оружие у ваших спецназовцев хорошее.

— Оно не хорошее и не плохое, оно просто настоящее. Но дело в том, что специальные подразделения во всем мире используют специальное оружие, оборудование, технику. И чем оно более специальное, тем красочнее и фактурнее оно смотрится. У нашего спецназа, к сожалению, специального оружия мало. Используют в основном штатные автоматы Калашникова — с глушителями или без. Есть еще современные системы типа ВСС — снайперских бесшумных винтовок или АС — такие же, только автоматы. Но их очень мало. Иногда нам удается заполучить их на съемки. А если мы посмотрим американские фильмы — там снайперских винтовок по две-три разных в каждом фильме. Другое дело, что реальный спецназ ими

не пользуется. Но это красиво! У американцев грандиозная «киношная» индустрия — она делает адаптированное оружие, которое стреляет адаптированными патронами. У нас такой индустрии нет, поэтому нам приходится брать настоящий автомат Калашникова и самим делать для него насадку для холостой стрельбы. Есть и штатные армейские насадки, но они сделаны из алюминия и бьются, поэтому сразу видно, что это насадка для холостой стрельбы. Кроме того, у нас есть штатные холостые патроны, но у этих патронов — пластиковая пуля, которая в момент выстрела сгорает в канале ствола, давая облако черного дыма. Поэтому приходится различными ухищрениями избавляться от этого дыма. Мы постарались воспроизвести максимально точно то оружие, которым действительно пользуется спецназ, но не потому, что мы хотели достоверности, а потому, что у нас другого не было. Было бы другое, фактурное, но недостоверное, использовали бы его. Это красиво, за это цепляется глаз.

— А драки у вас настоящие?

— Нет. Настоящий боец-рукопашник, особенно военный рукопашник, постарается закончить схватку в максимально короткое время самыми простыми движениями. Но в кино должна быть если уж драка, так драка! Как минимум секунд на тридцать. Чтобы получить актера, который умеет драться «по-киношному», его надо долго-долго готовить. Киану Ривза, например, для съемок «Матрицы» на полгода послали в Китай, чтобы он научился правильно двигаться. Мы себе не можем позволить никого в Китай послать, поэтому у нас либо снимается дублер, который на общих курсах машет руками-ногами, либо драку монтируют из маленьких кусочков. Например, один человек должен на экране дать другому в морду, чтобы тот упал. Сначала крупным планом снимают руку, которая сжимает кулак. Зрителю становится понятно, что сейчас этим кулаком будут кого-то бить. Потом снимают крупный план его жертвы, которая замечает этот кулак и начинает нервничать. Потом отдельно снимают замах руки. Потом — снова жертву, которая видит этот замах, и в ее глазах отражается ужас: она понимает, что ей сейчас съедят в морду. Кулак подносят к лицу жертвы

и — стоп! Актер-жертва набирает в рот специальную смесь, состоящую из «крови» и «зубов», на счет «три-четыре» кулак с пяти сантиметров бьет, жертва резко доворачивает голову и выплевывает то, что у нее во рту. Снимают падение жертвы. Конечно, никто никуда не падает, а только наклоняется, при этом его ловят четыре человека. После чего на пол кладут лист фанеры, «маскируют» под асфальт специальным составом, а под фанеру кладут кусочки поролона и насыпают киношную «пыль». Актера держат за ноги и за руки в 15 сантиметрах над листом, а потом роняют. В результате после монтажа кажется, что один герой со всей дури врезал другому в челюсть так, что у того вылетели зубы, он перекувырнулся и упал на асфальт, из которого аж пыль полетела.

— Любители искать в кино ляпы нашли их и в вашем сериале. Например, в серии «Клинок» Док и Якут в одной и той же сцене появляются с разными автоматами.

— Действительно, Якут залезает в люк с ВСС с оптическим прицелом, а вылезает без него. Но оружие-то нам привозят военные. А поскольку сцены снимаются в разные дни, бывает, что не подвозят то же самое. Ну не привезли нужный автомат — и что делать? Кроме того, сцена, о которой вы говорите, снималась в разных местах. Якут влезал в люк в Анапе, а вылезал в Питере.

— Вы не боитесь, что, насмотревшись таких фильмов, ребята захотят пойти в армию, но увидят они совсем не то, что в кино?

— Действительно, у нас есть информация, что после выхода первого «Спецназа» количество заявлений в Вооруженные силы в Питере возросло процентов на 15. Но фильмы-то смотрят не только те, кто идет в армию, но и те, кто этой армией командует. Весь генералитет смотрит, и президент тоже. Они тоже люди впечатлительные. Может, они все-таки когда-нибудь сделают армию такой, как у нас? Я не идеалист, но телевидение является сегодня наиболее мощным идеологическим средством. Поэтому я надеюсь, что кто-нибудь в руководстве страной посмотрит красивый фильм про армию и скажет: «Елки-палки, почему бы нам не сделать так, как в кино?»

Наталья КОНЫГИНА

Игорь БОТВИН, актер («Спецназ по-русски-2»), бывший спецназовец:
Во время настоящей драки впадаешь в транс

Стрельки и драки в нашем фильме более-менее похожи на настоящие, за исключением ударов ногами в голову. Это уже балет какой-то, в жизни так никто не дерется. Потому что настоящие удары, как и стрельба, должны быть быстрыми и точными и приходится в самые болевые места, чтобы сразу вывести противника из строя. Но во время настоящей

драки ты впадаешь в транс, из тебя самого поднимается звериная природа. Ты абсолютно переставешь контролировать себя и дерешься уже всем чем можно. На съемках в драках такого состояния, конечно, не возникает. Но принципы боя одинаковы — что в кино, что в жизни. Однажды я видел, как человек, игравший спецназовца, в первый раз в

жизни взял в руки оружие. Сразу же видно, что раньше он его никогда не держал... Наверное, чтобы играть в экшн-сценах, действительно нужен какой-то реальный опыт. У интеллигентных людей, воспитывавшихся в интеллигентных семьях, его нет. А у меня воспитание дворовое, я все это хорошо знаю.

Наталья КОНЫГИНА